

в своих мемуарах, что Кидонис «всегда находился в царском дворце не только из-за благосклонности (ὁὐ μόνον διὰ τῆν εὐμένειαν), которую в значительной степени он испытывал со стороны императора, но и потому, что, будучи месадзоном, из-за дел имел необходимость всегда быть вместе с императором — ночью и днем» (История, IV. 39, V. III, p. 285. 4—9).

Димитрий Кидонис, приблизившись к власти, побеспокоился о судьбе Нила Кавасилы и Исидора, своих прежних учителей, последний из которых вскоре стал патриархом. Именно тогда написал Димитрий известное письмо и своему другу Николаю Кавасиле, призывая и его служить избранному им василевсу: «Ты уступишь настоятельным просьбам друзей приехать, чтобы созерцать всеобщее счастье нашего императора, который осуществил это чудо. . . Я утверждаю, что ты можешь повиноваться императору, доставить удовольствие своим друзьям и уменьшить свои жизненные заботы, потому что император обеспечит тебя всем необходимым»¹⁶. Таким образом, по Кидонису, власть и просвещенность объединились.

После 1347 г. мы не встречаем среди сочинений Димитрия Кидониса громких словословий в адрес Иоанна Кантакузина. Это можно объяснить тем, что Кидонис был при дворе и необходимости для переписки не существовало. Но, с другой стороны, учитывая предназначенность византийского письма (и тем более речей), можно было бы считать возможным появление предлога для написания подобного сочинения.

Можно лишь догадываться о причинах возникновения у Кидониса иных настроений (или предчувствия этих настроений). Иоанн Кантакузин, бывший, по замечанию патриарха Филофея, в душе монахом, в значительной степени ориентировался в проведении своей политической линии на поддержку монашества¹⁷. А его месадзон уже в эти годы выражал критическое отношение к невежественным бородатым монахам¹⁸. Мало того, если Кантакузин в разыгравшемся в середине XIV в. идеологическом конфликте поддерживал мистическое направление Григория Паламы, то Кидонис тяготел к противоборствующей партии Варлаама и Акиндина. В первые годы пребывания при дворе Кантакузина (1347—1349) Кидонис написал письмо одному из своих друзей, видному стороннику антипаламитов Максиму Ласкарису Калоферу, позднее сыгравшему заметную роль в переговорах об унии церквей. Письмо это представляет интерес не только потому, что адресовано стороннику латинского направления, но и потому, что оно содержит некоторую характеристику придворной жизни. Максим, также бывший ранее сановником, вследствие размолвки с Кантакузином из-за приверженности к взглядам Акиндина, неожиданно уехал на Афон, чтобы стать монахом¹⁹. В письме к нему Кидонис расставляет некоторые акценты, касаясь ситуации при дворе. Говоря, что адресат, не уйдя он в монастырь, мог бы быть с ним при дворе, Димитрий полагает, что он (Максим) должен был бы в таком случае вместе с ним (μετ' ἐμοῦ) «жаловаться и переживать такое, о чем слушать можно лишь с содраганием» (письмо 72, 6—7). Кидонис пишет, что пребывание при дворе «пусть выпадет на долю врагов, ибо им мог бы бог подготовить такую долю в возмездие за то зло, которое они совершили в отношении нас» (там же, 10—11). Производит впечатление то, что автор письма с некоторой грустью одобряет выбор друга, который предпочел «Афон

pro vita sua» des Demetrius Kydones. — Ostkirchliche Studien. 1952, 1, S. 208—225; 264—282.

¹⁶ *Démétrius Cydonès. Correspondance*, v. 1, N 87. 8—10; 30—34. См. об этом: Поляковская М. А. Политические идеалы византийской интеллигенции, с. 107—108.

¹⁷ *Порфирий Успенский. История Афона*. СПб., 1852, т. III. Афон монашеский, 2, № 52, с. 849. Об этом см.: Прохоров Г. М. Публицистика Иоанна Кантакузина 1367—1371 гг. — ВВ, 1969, 29, с. 322.

¹⁸ *Démétrius Cydonès. Correspondance*, v. 1, N 88.

¹⁹ *Eszer A. Das abenteuerliche Leben des Johannes Lascaris Kalopheros. — Forschungen zur Geschichte der ost-westlichen Beziehungen im 14. Jahrhundert*. Wiesbaden, 1969, S. 9.